

**Гоголь и Шевченко:
творческий диалог в контексте русско-украинских
литературных связей**

**Gogol and Shevchenko:
Literary dialog in the context of Russian-Ukrainian
literary contacts**

В. П. Викулова

*ГБУК «Дом Н. В. Гоголя –
мемориальный музей и научная библиотека»,
Москва, Россия*

Vera Vikulova

*N. V. Gogol House –
Memorial Museum and Scientific Library,
Moscow, Russia*

В статье рассматривается проблема творческого взаимодействия двух выдающихся писателей XIX века – Н. В. Гоголя и Т. Г. Шевченко – в контексте современной им культурной эпохи 1840–1850-х гг., а также их национальной и индивидуально-авторской самобытности. Особое внимание в работе уделено предпосылкам «творческого диалога» Гоголя и Шевченко, выявлено и проанализировано их взаимное восприятие творчества друг друга, факторы их принципиального сближения и расхождения. Исследование основано на сравнительном анализе индивидуальных стилей Гоголя и Шевченко с точки зрения преемственности и взаимовлияния.

The literary dialog between two outstanding writers of the 19th century – Nikolai Gogol and Taras Shevchenko – within context of the cultural epoch of 1840–1850s is analyzed with a special focus on their national and artistic identity. The origins of the «literary dialog», their perception of each other's works, points of their conceptual convergences and contradictions are examined. The research is based on the comparative study of Gogol and Shevchenko individual styles in terms of their continuity and mutual influence.

Тема взаимодействия и взаимовлияния двух творческих судеб – Н. В. Гоголя и Т. Г. Шевченко – в условиях современных цивилизационных процессов приобретает существенное социокультурное и ценностно-мировоззренческое значение. Выявление и осмысление взаимосвязей между двумя такими разными писателями, имеющими общие национальные корни и всенародную известность, сегодня способствует укреплению духовно-нравственного единства и общественной солидарности.

Проблема литературных взаимоотношений Н. В. Гоголя и Т. Г. Шевченко является одной из наиболее изученных, но по-прежнему притягательных и актуальных с точки зрения русско-украинских культурных и литературных связей [10]. Причиной этого является не только определенная биографическая общность «двух великих украинцев» [4, с. 551], – но, даже в большей степени, их отношение друг к другу и современной им литературной среде, отражающее особенности их творческого пути, философско-эстетических воззрений и мировоззренческих позиций.

Отправная точка этого «диалога» не вполне обычна. Шевченко и Гоголь не были лично знакомы, хотя в 1831–1836 годах оба жили в Петербурге и имели во многом схожий круг общения, концентрировавшийся вокруг П. А. Плетнёва, А. С. Пушкина и В. А. Жуковского.

Они были почти ровесниками: Гоголь (1809–1852) старше Шевченко (1814–1861) всего на пять лет. Оба практически земляки, поскольку нынешняя Полтавская и Черкасская области являются соседями. Оба – этнические украинцы, но как творцы состоялись в Петербурге. Правда, Гоголь стал великим русским писателем, а Шевченко – великим украинским поэтом [6].

Н. В. Гоголь приехал в Петербург в 1829 году, полный честолюбивых планов. Он мечтал о большой славе и в письме своему родственнику Петру Косяровскому от 3-его октября 1827 года писал: «Исполнятся ли высокие мои начертания? или Неизвестность зароет их в мрачной туче своей?» [5, X, с.112]. Как и Шевченко, рано покинув Украину, молодой Гоголь хранил в своей душе её мифы, предания, обычаи и обряды, сказки и народный быт. Это была поэтическая основа его внутреннего мира, которая впоследствии, переданная русским языком, открыла ему путь в русскую словесность. В столицу Гоголь прибыл с рукописью поэмы «Ганц Кюхельгартен» –

романтической «идиллии в картинах», первым своим серьёзным поэтическим опытом, который он намеревался даже показать А. С. Пушкину. Гоголь собирался опубликовать своё творение, написанное ещё в Нежинской гимназии, и таким образом заявить о себе, «выбиться в люди», утвердиться в тогдашнем литературно-художественном мире. В июне 1829 года поэма «Ганц Кюхельgarten» была издана в типографии Плюшара под псевдонимом *В. Алов*. О ней появились очень язвительные отзывы, в частности, в журнале «Московский телеграф» Н. И. Надеждина. Подавленный критикой, Гоголь вместе со своим слугой Якимом купил все издания поэмы и сжёг их у себя в номере. Поэтому первое издание «Ганца Кюхельгартена» является библиографической редкостью.

Неудачный дебют не помешал Гоголю, наоборот, первым опытом была подготовлена почва для последующего творческого труда – создания «Вечеров на хуторе близ Диканьки» и «Миргорода» – произведений, с которыми к молодому писателю пришёл настоящий успех. И если в первое время жизни в Петербурге он с трудом выбирался из нищеты, тосковал по дому и жаловался в письмах матери, то после выхода в свет «Вечеров» Гоголь начал жить по столичным законам: модно одевался, посещал рестораны и завёл множество литературных знакомств – с поэтами А. С. Пушкиным, В. А. Жуковским и П. А. Вяземским, конференц-секретарём Академии искусств Василием Григоровичем, влиятельным литератором Петром Плетнёвым, которые помогли ему войти в мир русской литературы. Гоголь стремительно проходит путь от выпускника Нежинской гимназии до чиновника в Департаменте государственного хозяйства и публичных зданий Министерства внутренних дел, преподавателя истории в Патриотическом институте, адъюнкт-профессора истории Петербургского университета и успешного писателя.

Не менее примечательной оказывается и «петербургская жизнь» Тараса Шевченко. Замеченные помещиком П. В. Энгельгардтом способности привели сына крепостного крестьянина Григория Шевченко – Тараса сначала в Виленский университет, затем в Петербург сначала в качестве «домашнего живописца», а затем освобожденного от крепостной студента Императорской Академии художеств (1838–1845), в будущем ставшего её академиком. Учителем и наставником Шевченко тогда был К. П. Брюллов – «Большой Карл», являвшийся для своего ученика истинным примером высокого служения искусству. Академия была и своеобразным каналом приобщения Шевченко к российской художественной жизни и ярким свидетельством роли русской культуры в становлении поэта и художника.

Рис. 1. Портрет Н. В. Гоголя работы Т. Шевченко (Государственный Исторический музей, Москва)

Подобно Гоголю, Шевченко тоже постарался вписаться в столичную жизнь: благодаря своему учителю Карлу Брюллову он получил доступ в лучшие петербургские салоны, познакомился с

такими известными людьми культуры и искусства как В. А. Жуковский, А. Г. Венецианов, М. Ю. Виельгорский и др.; помимо учёбы в Академии, посещал театры, музыкальные петербургские дома и популярные литературные вечера.

У Гоголя и Шевченко изначально было немало общего, помимо родственных национальных корней, т.к. оба они интересовались наукой и искусством, были глубоко верующими людьми, а также обладали обостренным чувством справедливости. При всех личностных различиях каждый из них создал свой неповторимый художественный мир, открыв нечто новое в самом искусстве слова. Вместе с тем в литературном наследии того и другого присутствуют историческая преемственность и типологическая близость. Как и творчество Гоголя, поэзия Шевченко была обращена к жизни, питаясь украинскими народными традициями – фольклорными и литературными.

Творческое воздействие Гоголя на Шевченко очевидно. Исследователями замечено, что в произведениях Шевченко присутствуют поэтические формы и приёмы Гоголя. Это говорит о том, что не только Шевченко был внимательным читателем «Вечеров на хуторе близ Диканьки», «Миргорода», «Мёртвых душ» и «Ревизора», но в художественном мире Гоголя есть много созвучного дарованию украинского поэта. Шевченко хорошо знал творчество Гоголя и один из немногих благосклонно встретил «Выбранные места из переписки с друзьями». Нельзя не отметить его красноречивое восклицание в письме к В. Н. Репниной, которое было написано в ссылке 7 марта 1850 года: «Перед Гоголем должно благоговеть как перед человеком, одарённым самым глубоким умом и самую нежною любовью к людям! <...> истинный ведатель сердца человеческого! Самый мудрый философ! и самый возвышенный поэт должен благоговеть перед ним как перед человеколюбом! Я никогда не престану жалеть, что мне не удалось познакомиться лично с Гоголем. Личное знакомство с подобным человеком неоцененно, в личном знакомстве случайно иногда открываются такие прелести сердца, что не в силах никакое перо изобразить!» [13, V]. По сути, в этой весьма эмоциональной цитате Шевченко нашли отражение национально-романтическое восприятие повести Гоголя «Тарас Бульба», восхищение «Ревизором» и одобрение гоголевских «Писем к друзьям» («Выбранных мест из переписки с друзьями»). Шевченко признавался: «я всегда читал Гоголя с наслаждением...» [Там же]. Влияние Гоголя на младшего современника имело системный характер. Не случайно, вдохновлённый произведениями Гоголя, Шевченко-художник даже пишет его портрет, опираясь на первые образцы иконографии писателя, а также иллюстрирует сцену к повести «Тарас Бульба» – встречу Бульбы с сыновьями, приехавшими домой с учёбы [4; 14]. Ему были близки героическая романтика и пафос национально-освободительной борьбы, которые так ярко проявились именно в этой повести Гоголя. Роднило его с Гоголем и общее понимание сути фольклора. По утверждению Николая Васильевича, «истинная национальность состоит не в описании сарафана (т. е. не в поверхностном этнографизме, не в бескрыло-натуралистическом бытописании), но в самом духе народа» [5, VIII, с. 51]. Гоголь писал также: «Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами всего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют сами» [Там же].

Примечательно, что «гоголевский след» обнаруживается даже в оригинальных произведениях Шевченко. Например, герой повести «Близнецы» Савватий Сокира «сначала со вниманием прослушал «Мертвые души», потом с большим вниманием прочитал, а прочитавши, возымел страсть во что бы то ни стало приобрести эту книгу и во время каникул читать вслух на хуторе» [13].

Ещё более характерным примером гоголевского влияния является поэтическое послание «Гоголю», где Шевченко называет Гоголя «великим другом» и «братом»:

*...Ты смеёшься, а я плачу,
Друг ты мой великий.
А от плача что родится?
Бурьян суходольный...
Не услышат в Украине
Грохот пушек вольных.
Никогда отец родного
Не зарежет сына
За свободу, честь и славу
Родной Украины.*

*Не зарежет, а взлелеет.
Он продать стремиться
Сына в рекруты. А это -
Лепта от вдовицы
Престолу и отечеству,
Иностранцам плата.
Пускай, брат. А мы будем
Смяться и плакать.*

30 декабря 1844,
С.-Петербург [13]

Это стихотворение – своеобразный поэтический и эстетический манифест Т. Г. Шевченко, выражающий идею братства с великим земляком Гоголем и обнаруживающим в поэте будущего основоположника современного украинского литературного языка. Вместе с тем, выбор – писать только по-украински – вовсе не означал для Шевченко изоляцию от русского языка и русской литературы. Напротив, в дневнике поэта М. Ю. Лермонтов, А.И. Герцен, А. С. Пушкин именуются с определением наш, что подчёркивает единство культурного контекста и единство душ – малороссийской и русской, к которым стремился и Н.В. Гоголь. Исследователями выявлено, что «уже в раннем периоде творчества Шевченко (1838–1843) отразилось сближение поэта с русской передовой мыслью», заметное в «отзвуках романтических настроений», слышных в его произведениях той поры [11, с. 218]. Более того, на протяжении всей жизни в круг чтения Шевченко входила как современная ему русская литература, так и авторы XVIII столетия, о чём свидетельствуют упоминаемые в его произведениях и переписке В. К. Третьяковский, А. П. Сумароков, И. И. Хемницер, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, М. М. Херасков, В. А. Озеров и В. В. Капнист [11, с. 226]. Нельзя не отметить также знание Шевченко русского литературного контекста XIX века, включая произведения В. А. Жуковского, и А. С. Пушкина, поэтов-декабристов, М. Ю. Лермонтова и, разумеется, Н. В. Гоголя. Таким образом, русскую литературу можно назвать одним из истоков поэтической индивидуальности Т. Г. Шевченко.

В этой связи необходимо отметить, что «при общей национальной корневой системе художников Слова плодоносит такая различная художественная крона» [9, с. 19]. Талант и Шевченко, и Гоголя имел индивидуальный характер, причём для одного основой стал плач, а для другого – смех, и в то время как Гоголь радуется яркости, самобытности жизни, Шевченко плачет о судьбе своего народа.

В свою очередь, Гоголь знал творчество Шевченко, но не отличался постоянством в его оценках. В своих мемуарах Г. П. Данилевский утверждает, что в 1840-е годы Гоголь «был очарован поэтическими песнями «Кобзаря» и «Гайдамаков» Шевченко» и лишь с течением времени изменил свою точку зрения [12].

Позже Данилевский пересказывал монолог Гоголя во время посещения писателя вместе с А. М. Бодянским в доме графа А. П. Толстого. Возможно, в этом знаменитом разговоре именно преданность украинскому языку и образную самобытность Шевченко Гоголь метафорически называл «дѣгтем»: «... Дѣгтю много, – негромко, но прямо проговорил Гоголь: – и даже прибавлю, дѣгтю больше, чем самой поэзии. <...> Нам, малороссам и русским, нужна одна поэзия, спокойная и сильная... нетленная поэзия правды, добра и красоты. <...> Поэзия – голос пророка... Ея стих должен врачевать наши сомнения, возвышать нас, поучая вечным истинам любви к ближним и прощения врагам. Это – труба пречистого архангела... Я знаю и люблю Шевченка, как земляка и даровитого художника; мне удалось и самому кое-чем помочь в первом устройстве его судьбы. Но его погубили наши умники, натолкнув его на произведения, чуждые истинному таланту. Они всё ещё дожёвывают европейские давно выкинутые жваки. Русский и малоросс – это души близнецов, пополняющая одна другую, родные и одинаково сильные. Отдавать предпочтение одной, в ущерб другой, невозможно. <...> Всякий, пишущий теперь, должен думать не о розни; он должен прежде всего поставить себя перед лицом Того, Кто дал нам вечное человеческое слово...» [7].

Приведённое высказывание характеризует взгляды зрелого Гоголя на сущность поэтического творчества как отражения индивидуальности (в данном случае, Шевченко), высшего призвания и при этом неразрывной связи народов, объединённых общей культурной традицией и исторической памятью.

С биографической точки зрения нельзя сказать однозначно, в чём могла выражаться помощь Гоголя в «устройстве судьбы Шевченко, в отличие от известного содействия ему поэта Е. П. Гребенки и графа М. Ю. Виельгорского» [13, V]. В письме В.Н. Репниной от 1 января 1850 года из Оренбургской ссылки Шевченко просит: «Я сегодня же пишу Василию Андреевичу Жуковскому (я с ним лично знаком) и прошу его о исходатайствовании позволения мне только рисовать. Напишите и вы, ежели вы с ним знакомы. Или напишите Гоголю, чтобы он ему написал обо мне, он с ним в весьма коротких отношениях» [Там же]. При этом поэт делает важное уточнение: «...Ежели будете писать ко мне, то сообщите свой настоящий адрес и сообщите адрес Гоголя, и я напишу ему по праву малороссийского виршеплёта, а лично его не знаю».

На этом фоне достаточно распространённым при изучении темы «Гоголь и Шевченко» является размышление о различии их национального чувства. Например, Ю. Я. Барабаш замечает о Шевченко: «Его национальное чувство органично, естественно, как дыхание, оно дано ему изначально, живёт в генах, в «крови» [1, с. 34]. В противовес этому исследователь полагает, что свойственная Гоголю «языковая двойственность стала... как симптомом, так и катализатором острой психологической раздвоенности» [3]. Однако для Гоголя едва ли существовала языковая дилемма. Подобно изначально выбравшему украинский язык Шевченко, Гоголь преимущественно писал на языке русском, мастерски дополняя повествования выразительными украинскими словесными образами. В этом смысле показательно наблюдение Н. Г. Жулинского о том, что писательская практика Гоголя как «симбиоз двух языковых стихий, образно-стилевое двуединство <...> породила уникальный художественно-эстетический феномен. Николай Гоголь влил свежую, наполненную озоном эмоционально раскованного образного самовыражения кровь в застывшее тело классически-риторической, европеизированной русской дворянской литературы и этим инспирировал её пробуждение к свободной – на полное дыхание – жизни» [8].

По верному утверждению Ю. Барабаша, специфический бесконтактный творческий диалог между Гоголем и Шевченко заключается, прежде всего, в особенностях индивидуального стиля каждого из них, а также своеобразии религиозно-этических, эстетических и историософских взглядов [3]. При этом творческая индивидуальность обоих писателей формировалась в рамках единой художественной системы – исторически обусловленной духовной, культурной и литературной общностью России и Украины.

Таким образом, пути двух великих украинцев были очень разными – с разными испытаниями, разными целями и их воплощениями. Но оба этих пути равноправны и равно возможны. Имеет ли сегодня смысл пытаться определить, какой путь предпочтительнее? Чтобы ответить на этот вопрос, уместно процитировать слова самого Н. В. Гоголя: «Друг мой, храни вас Бог от односторонности: с нею всюду человек произведёт зло: в литературе, на службе, в семье, в свете, словом – везде. Односторонний человек самоуверен; односторонний человек дерзок; односторонний человек всех вооружит против себя. Односторонний человек ни в чём не может найти середины. Односторонний человек не может быть истинным христианином: он может быть только фанатиком. Односторонность в мыслях показывает только то, что человек ещё на дороге к христианству, но не достигнул его, потому что христианство даёт уже многосторонность уму. Словом, храни вас Бог от односторонности!» [5, VIII, с. 267]

Т. Г. Шевченко и Н. В. Гоголь – два литературных гения, представляющих российскую и украинскую культуру. Один всю жизнь писал на русском языке и о России; другой смог возродить украинскую словесность и тем самым вывести её на общемировой уровень. Объединяли их, прежде всего, уникальный дар и высокие духовные устремления, так необходимые любому настоящему художнику.

Библиография

1. Барабаш, Ю. Гоголь и Шевченко : (Антиномии национального сознания) [Текст] / Ю. Барабаш // Известия Академии наук СССР. Сер. лит. и языка. – М. : Наука, 1996. – Т. 55. – № 1. – С. 29–43.
2. Барабаш, Ю. «Мой бедный protégé» (Проза Шевченко: после Гоголя) [Текст] / Ю. Барабаш // Вопросы литературы. – 2002. – № 6.
3. Барабаш, Ю. «Інь» і «ян» української духовної культури (Шевченко і Гоголь: національний дискурс) [Электронный ресурс] / Ю. Барабаш // Міжнародна наукова конференція, присвячена 200-річчю з дня народження Тараса Шевченка = Международная научная конференция, посвящённая 200-летию со дня рождения Тараса Шевченко). – Режим доступа : <http://ukrcentr.ru/naukova-i-literaturno-publicistichna/mizhnarodna-naukova-konferenciya-prisvyachena-200-richchyu-z-dnya-narodzhennya-tarasa-shevchenka>.
4. Вейнберг, А. Неизвестный портрет Гоголя работы Т.Г. Шевченко [Текст] / А. Вейнберг // Литературное наследство. – Т. 19/21. – М., 1935. – С. 551–557.
5. Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений: В 14 т. [Текст] / Н.В. Гоголь; АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – [М.; Л.] : Изд-во АН СССР, 1937–1952.
6. Гоголь VS Шевченко [Электронный ресурс] // – Режим доступа : <http://andronishche.livejournal.com/14591.html>.

7. Данилевский, Г.П. Знакомство с Гоголем : Из литературных воспоминаний / Г.П. Данилевский // Данилевский Г.П. Мемуары [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://litopys.org.ua/shevchenko/danil.htm>.
8. Жулинский, Н.Г. Две половинки украинского сердца : Шевченко и Гоголь [Электронный ресурс] / Н.Г. Жулинский // День. – № 41 (2004). – Режим доступа : <http://www.day.kiev.ua/ru/article/istoriya-i-ya/dve-polovinki-ukrainskogo-serdca-shevchenko-i-gogol-1>.
9. Ленская, В.В. Гоголь и Шевченко: кто более матери-Украине ценен? [Текст] / В.В. Ленская // Деятели науки и культуры России с Украины. Материалы VII Междунар. семинара. 13–18 мая 2007 г. – СПб., 2008. – С. 18–24.
10. См. Михед, П.В. Тарас Шевченко и Микола Гоголь : бібліографія [Текст] / Підгот. П.В. Михед // Нові гоголезнавчі студії [Текст] = Новые гоголедческие студии: [збірник наукових праць]. Вып. 5 (16). – Нежин, 2007. – С. 394–405; Ерёмин, И.П. К истории русско-украинских литературных связей в XVII веке [Текст] / И.П. Ерёмин // Труды отдела древнерусской литературы. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – Т. IX. – С. 291–296; Звизняцковский, В.Я. Мькола Гоголь и Тарас Шевченко: история одной литературной «невстречи» [Электронный ресурс] / В.Я. Звизняцковский // Режим доступа : ipro.org.ua/files/новини...НОВИНИ...Звизняцковский.doc.
11. Прийма, Ф.Я. Т.Г. Шевченко и русская литература [Текст] / Ф.Я. Прийма // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1954. – Т. XIII. Вып. 3. – С. 217–239.
12. Цит. по: Северная пчела, 10.V.1861.
13. Шевченко, Т.Г. Сочинения: в 5 т. [Текст] / Т.Г. Шевченко. – Киев: Дніпро, 1984–1985. – Т. 1, 5.
14. Шевченко-художник [Текст] Альбом избранных произведений = Шевченко-художник. Альбом вибраних творів / сост. альбома В.И. Касиян, М.Г. Дерегус, А.С. Пашенко, Н.И. Мацапура; ред. С.А. Захарова. – Киев : Державне Видавництво Художньої літератури, 1954. – 47 с., 131 л. ил.